

Глава I

Стеклянный вместительный лифт неспешно и с благодарным гулом полз вдоль блестящей мраморной стены, оставляя землю, возносясь над суетой шумного мегаполиса. По мере продвижения кабины смотреть на Москву становилось намного приятнее. Город буквально преображался на глазах, а точнее, просто становились незаметными его дефекты и изъяны — невзрачные боковые улицы с потрескавшимся асфальтом превращались в длинные зеленые аллеи, серые обшарпанные панельные дома — в аккуратные игрушечные коробочки, исчезали в дымке суетливые люди и грязные машины. Лифт едва заметно дернулся и замер на последнем этаже московского небоскреба. Немногие добирались до такой высоты — только избранные. Но этим ранним утром кабина пришла пустой. Просто служба перед началом трудового дня проверяла исправность лифтового оборудования.

Здесь, на высоте птичьего полета, обогреваемый солнцем и обдуваемый ветрами, размещался застек-

ленный конференц-зал, а ниже под ним билось сердце всей российской экономики — товарно-сырьевая биржа РФ. В ее стенах решались судьбоносные для страны вопросы, принимались тяжелые решения, заключались многомиллионные сделки и контракты. Каждый из участников биржи мог сорвать большой куш, но с таким же успехом мог остаться и без штанов. Игра на бирже, в общем-то, проста и прозрачна, как и игра в карты с повышением ставок, скажем, в покер. Но как мало удачливых игроков. Биржевые операции знакомы многим по детской игре в «Монополию». Вот только деньги и риски на товарно-сырьевой бирже были настоящими, и играли в нее исключительно богатые, имеющие связи во властных структурах люди, готовые рискнуть и поставить на карту значительную часть своего состояния.

С самого утра первыми в лабиринте коридоров, как и положено, появились уборщицы. Недовольно бормоча себе под нос, они старательно выметали накопившийся за вчерашний день мусор — в основном это были скомканные бланки, распечатки ценовых индексов, вырезки из деловых газет. Сделали свое дело, спрятали пылесосы, швабры, щетки для мытья стекол и исчезли, растворились в огромном здании. Следом за ними появились высыпавшие из открывшегося лифта брокеры, они тут же разбрелись по маленьким кабинкам и кабинетам. Через несколько минут загудели кулерами десятки компьютерных процессоров, затрещали на-

перебой принтеры и факсы, отозвались противным писком модемы.

У автоматов с кофе и чаем постепенно выстраивалась длинная очередь. Брокеры оживленно беседовали, обмениваясь не только последними новостями из мира бизнеса, но и впечатлениями выходных дней. На бирже начинался новый рабочий день. Но настоящего ее открытия следовало ожидать с включения огромного подвесного табло-терминала финансовых индексов, на экран которого должна была поступить итоговая и оперативная информация со всех мировых бирж. Как только это произошло, по офису пронеслась волна возмущенных возгласов, кто-то даже ругнулся.

— Это невозможно... «Глобус» упал... Акции «Эко» и «Пармалат» обесцениваются...

Та же картина прослеживалась и на Лондонской, Нью-Йоркской и Цюрихской биржах...

— Биржа закрылась на минус сто двадцать два... Индекс во Франкфурте и Лондоне поехал вниз... Еще несколько недель такого падения — и полная катастрофа! — энергично судачили «белые воротнички».

Брокеры хватались за мобильные телефоны, названивали трейдерам, те, в свою очередь, доносили неутешительную информацию до инвесторов. Еще никто не знал конкретной причины падения цен на акции европейских сельскохозяйственных брэндов, но одно было ясно: произошел демпинг со стороны азиатских производителей, в основном китайских. Мировые рынки в один миг оказались перенасы-

щены «желтой» продукцией, по качеству не уступающей европейской, но при этом более дешевой, что, естественно, мгновенно сказалось на стоимости всех акций. Европейские падали, азиатские росли в цене. Предстоящая рабочая неделя обещала быть для брокеров и инвесторов настоящим испытанием, если не каторгой.

* * *

Рабочий кабинет Дмитрия Ивановича Никитина — председателя совета директоров мощнейшей международной корпорации по производству сельскохозяйственной продукции — производил на неискушенных посетителей сильное впечатление. В нем сочеталось несочетаемое — старина и современность. По стенам были развешаны великолепные полотна известных современных художников в неброских рамах, с ними удачно соседствовала шикарная стильная антикварная мебель, с потолка свисала, переливалась всеми цветами радуги люстра из цветного хрусталя. В центре кабинета стоял массивный стол из красного дерева, на котором величественно возвышалась бронзовая статуэтка известного аргентинского футболиста Диего Марадоны. Напротив стола находилось два стула для посетителей и удобное вращающееся кресло, в нем и устроился лысоватый мужчина с небольшой горбинкой на носу и шрамом на левой щеке.

Хозяин кабинета выслушал доклад, устало вздохнул и сузил глаза.

— Так я и подозревал. Вот в чем причина падения котировок. Значит, трансгенные технологии... Теперь понятно, что стало причиной падения российских акций, — испепеляя властным взглядом начальника экономической разведки, проговорил Никитин. — А теперь поподробнее.

Владимир Воробьев нервно заерзал в кресле и начал говорить, тщательно выбирая слова:

— Я тут кое-что выяснил по своим каналам. — Владимир достал из кейса толстую папку. — Есть информация, что в Мьянме существует завод по производству некоей загадочной органической субстанции, созданной на основе современных биотехнологий. Эта самая субстанция имеет универсальное действие, она добавляется в корм обычным животным и, кстати, в удобрения для растений, что вызывает их фантастический рост и, естественно, сказывается на себестоимости конечной продукции. Это началось несколько лет назад, но раньше основным потребителем этой субстанции и конечной продукции был Китай... Теперь же они произвели экспансию в Европу и Америку. Так что все сходится, ведь именно китайская супердешевая сельхозпродукция забила за последние месяцы все мировые рынки!

Воробьев помолчал, ожидая хоть какой-то реакции от хозяина кабинета. Но Никитин, сидевший напротив, даже не повел бровью, просто пристально смотрел на собеседника пронизательными темными глазами.

— По некоторым данным, к этому загадочному заводу причастны выходцы из бывшего СССР, — продолжил начальник экономической разведки. — В Мьянме зафиксировано появление вот этих людей, а там проживает не так уж много европейцев.

На стол Дмитрия Ивановича легло несколько фотографий. Их качество было далеко от идеального, так как съемка велась на фотокамеру мобильного телефона, да к тому же еще и издалека. Но, несмотря на расплывчатость снимков, рассмотреть лица попавших в объектив мужчин вполне было можно.

— «Проникновенья наше по планете теперь особенно заметно вдалеке», — невольно процитировал Высоцкого Никитин, увидев на снимках мужчин, несомненно, славянской внешности. — И кто же это?

— Тот, что в очках, — ученый. Есть подозрение, что это исчезнувший из России доктор биологических наук Власов. По нашим данным, он и является создателем этой загадочной субстанции. Во всяком случае, его последние разработки на родине, а покинул он Россию и исчез десять лет назад, велись по схожей тематике. Но они подпали под законодательное запрещение: генная инженерия, опыты с человеческими генами, клонирование... Он, так сказать, их мозговой центр. Тот, что рядом, — занимается охраной данного завода и лаборатории, бывший кадровый разведчик.

— А точно выяснить личность известного ученого так сложно?

— Его фотографии десятилетней давности сохранились, но я не исключаю проведение пластической операции.

— Компания подобралась что надо, — ухмыльнулся Никитин, но тут же сделал серьезное лицо. — Что-нибудь еще удалось узнать?

Воробьев кивнул и вновь зашелестел бумагами.

— Зафиксированы их контакты с ЦК КПК из Пекина, с китайскими «красными директорами», возглавляющими их сельскохозяйственные холдинги. Контакты со средними и мелкими производителями... — Начальник экономической разведки вдруг замолчал и бережно, словно боялся рассыпать, достал целлофановый пакетик с белым порошком. — Только не спрашивайте, как мне удалось его достать.

— Что это такое? — моментально заинтересовался Дмитрий Иванович.

— Та самая субстанция, производимая в Мьянме.

Несколько минут Никитин мял в руках пакетик, прошупывая пальцами хрустящий порошок. На ощупь органическая субстанция была похожа на обыкновенный сахар.

— Мы ее уже проверяли: если примешивать ее к корму поросят, они набирают в весе в восемь-десять раз быстрее, чем обычно. Похожие опыты ставили на кукурузе, сое и даже на комнатных растениях.

— То есть одно и то же вещество способно повлиять на животных и на растения? Невероятно!

— Даже на насекомых. Практически на любые животные организмы и растительные системы. Повсюду, где происходит обмен органическими веществами. Наши биохимики и зоологи пытались разобраться — не совсем понятно, что это такое вообще и на основе чего изготовлено. Ясно пока одно: добавка изготовлена на основе генной инженерии с использованием человеческих генов. Отдали на анализ в Российскую академию наук, но результаты будут не скоро. Дело в том, что выявить применение этого вещества, исследуя конечный продукт, впоследствии практически невозможно. А потому продукция при продаже заявляется как экологически чистая...

Никитин задумчиво смотрел в окно, прикидывая в голове возможные потери своей корпорации, которые она понесет при накачке международного рынка генетически модифицированными продуктами, сомнительное происхождение которых невозможно отследить. Получавшаяся сумма поражала воображение. Потеря стольких денег неминуемо привела бы Дмитрия Ивановича и возглавляемую им корпорацию к банкротству и полному разорению. Допустить подобное было нельзя. И на этот счет у хозяина кабинета уже появились кое-какие соображения.

— ...продукты, полученные на ее основе, не иден-

тифицируются как генетически измененные, а значит, и не подпадают под международные запреты...

— Погоди, не лети, — прервал Воробьева Никитин, — давай вернемся к тем двоим. Тебе удалось выяснить, кем был в «прошлой жизни» кадровый разведчик?

— Тот, что у них за главного охранника, — бывший майор российской морской пехоты, служил в элитном разведывательном подразделении в Ленинградской области. Сам, кстати, из Питера. В 2001-м написал рапорт, с тех пор его никто не видел. А вот личность его спутника пока со стопроцентной точностью установить не удалось. Возможно, Власов, возможно, и не он. Но мы обязательно...

— С ученым разберемся позже. А вот то, что у нас есть ниточка, которая ведет к начальнику их охраны, это хорошо. Если за нее хорошенько потянуть, можно извлечь из всего этого дела весьма неплохую выгоду.

— В смысле — потянуть? — пожал плечами Воробьев.

— В прямом. Футболом интересуешься?

— Смотрю иногда... — неуверенно соврал Владимир и тут же покосился на бронзовую статуэтку Диего Марадоны — обидеть босса своим полным равнодушием к данному виду спорта начальник экономической разведки явно не рисковал.

— Так вот. Зачем вступать в игру, если заранее знаешь, что проиграешь? Не проще ли купить игрока команды соперника и переманить его на свою

сторону, тем самым обратив оружие противника против него самого? Если выражаться футбольной терминологией — произвести трансфер. Ты представляешь, сколько можно заработать, если производство этого «волшебного порошка» перейдет в наши руки?

— А если ученый или главный охранник откажутся? Дела у них и без нас идут отлично, — резонно заметил Воробьев и тут же понял, что лучше бы было этого не говорить.

Хозяин кабинета рассерженно посмотрел на подчиненного. Для Никитина не существовало слов «отказаться», «нельзя», «не могу» и «не согласен». Будучи авторитарным руководителем и убежденным циником, он привык слышать от людей только слова с «согласительным» наклоном.

— Найти! Посулить ему что угодно! Дать огромный аванс. Подставить его близких. Ты понимаешь, что, если эта биржевая лихорадка продолжится еще один сельскохозяйственный год, нам всем каюк?! Еще пару лет, и Китай станет монопольным производителем сверхдешевого продовольствия во всем мире! Это пока они только одну провинцию своим порошком, произведенным в Мьянме, засыпали. А если — весь Китай? Нам тогда всем только вешаться останется... И не только нам. Никто не сможет с ними конкурировать! Ни-кто! Тебе понятно? — гневно и на одном дыхании выкрикнул Никитин.

Воробьев шмыгнув носом и втянув голову в плечи.

— Понятно.

— От тебя в этом деле требуется придумать план, по которому этот самый начальник охраны перейдет в наш лагерь и сдаст ученого вместе с его технологиями. Как ты это сделаешь, меня не интересует. Мне важен результат.

Никитин отвернулся к окну, дав понять Воробьеву, что на этом их разговор окончен. Владимир вышел из кабинета задумчивым и возбужденным. Он еще не знал, как ему удастся воплотить в действительность задумку босса и осуществима ли она вообще?

* * *

В кафе «Штурман», находившемся на втором этаже питерского аэропорта Пулково, было шумно и многолюдно. За круглыми стеклянными столиками сидели небольшие компании, коротающие оставшееся до отлета время за бутылкой водки или несколькими бокалами пива. Две полусонные официантки в пожелтевших кружевных фартуках лениво передвигались по залу, разнося клиентам горячительные напитки и наскоро разогретые в микроволновой печи полуфабрикаты.

В дальнем углу кафе, куда не долетал табачный дым и пьяные разговоры, в гордом одиночестве сидела молодая симпатичная шатенка. Время от времени Катя Орлова поглядывала на часы и уже в который раз за день переводила взгляд на фотографию красавца-блондина. Мужчину на фото звали

Михаил Самсонов: белокурые волосы, высокий лоб, вдумчивые голубые глаза, волевой подбородок и тонкие губы, растянутые в подкупающей улыбке. От такого мужчины любая женщина, будь она хоть сама Памела Андерсон, потеряла бы голову. Катя не была исключением. Девушке сразу понравился обаятельный и обходительный незнакомец, подошедший к ней на набережной Невы. Слово за слово, и молодые люди, сами того не заметив, прогуляли по ночному городу до самого утра. Потом, как это обычно бывает у молодых пар, были походы в кинотеатр с обязательным задним рядом, романтические ужины в ресторанах, прощальные поцелуи у подъезда...

Шли дни, летели месяцы, и Катя с Михаилом уже начали подумывать о свадьбе. Однако, как известно, жизнь любит преподносить неожиданные сюрпризы. Одним из таких сюрпризов стала записка Михаила, которую Орлова обнаружила по возвращении в свою коммунальную комнатушку из университета. В ней Миша просил прощения, клялся в вечной любви и обещал, что скоро они обязательно увидятся, стоит только запастись терпением и подождать. Катя долго плакала, пыталась дозвониться до возлюбленного, но тщетно — тот как в воду канул, мобильник молчал.

Лишь спустя год, когда все было забыто и отправлено на свалку прошлого, Орлова получила от Миши письмо. Как выяснилось, Михаилу в Петербурге угрожала серьезная опасность, связанная с

прошлой службой в армии, и, чтобы залечь на дно, он переехал во Францию, где поступил на службу во французский Иностраннный легион. Но, помимо объяснений по поводу своего неожиданного отъезда, Самсонов по-прежнему предлагал Кате свою руку и сердце. Хотя тут же в письме пояснял, что это будет возможно лишь только по истечении пятилетнего контракта с Легионом, когда он получит французское гражданство...

Катя тяжело вздохнула и скучающим взглядом посмотрела в окно. Вдалеке вдоль нескончаемого ряда ангаров мчал по взлетно-посадочной полосе «Боинг-747» с трехцветным германским флагом на хвосте. Вскоре самолет оторвался от бетонки и словно птица взмыл в небо. А через несколько минут пассажирский авиалайнер и вовсе превратился в маленькую белую точку на фоне синего неба.

— Разрешите?

Катя повернула голову. Напротив ее столика стоял высокий немолодой мужчина с подносом еды.

— А в чем дело?

— Все другие столики заняты... Если я вам помешаю... — тут же добавил он извиняющимся тоном.

— Что вы?! Пожалуйста. Мне все равно скоро уходить.

— Благодарю. Не люблю пьяных компаний, а у вас спокойно.

Незнакомец расплылся в благодарной улыбке. Однако когда сел на стул, то по неосторожности задел стоявшую на краю столешницы Катину

сумочку. На кафельном полу тотчас же оказалась косметичка, несколько губных помад и упаковка гигиенических салфеток. Улыбка на его лице мгновенно растаяла. Было видно, что пожилому мужчине жутко неудобно за свою невнимательность.

— Прощу меня извинить, я сейчас все верну на прежнее место, — бросился он поднимать вещи.

— Не стоит, я...

— Я виноват...

— Я сама...

Однако незнакомец и слушать не хотел. Быстро подняв с пола все вещи и протянув Орловой сумочку, он еще раз извинился.

— Куда летите? — чтобы хоть как-то разрядить напряженную обстановку, поинтересовалась Катя.

— К родственникам во Франкфурт, — рассеянно ответил пожилой мужчина и тут же задал встречный вопрос: — А вы куда направляетесь?

— Во Францию.

— Эйфелева башня, Триумфальная арка, Елисейские Поля... Романтика... — мечтательно закатил глаза незнакомец.

Молчавшие до этого динамики вдруг ожили, возвестив приятным женским голосом, что началась регистрация, а через полчаса начнется и посадка на рейс Санкт-Петербург — Париж.

— Кажется, вам пора. Удачного полета. — Незнакомец неожиданно подмигнул Кате и принялся уплетать подостывшие пельмени.

Так как у Орловой не было с собой никакого ба-

гажа, подлежащего декларированию, она решила пойти «зеленым коридором», надеясь тем самым выиграть время и избежать длинных очередей и проверок. Уже на подходе к пункту паспортного контроля ее неожиданно окликнул один из работников таможни. Суровый и тяжелый взгляд человека в погонах не на шутку встревожил девушку.

— Пройдемте со мной.

— В чем дело? — возмутилась Орлова.

— Пройдемте, это в ваших интересах, — бесцеремонно повторил он.

Катю отвели в небольшую комнату личного досмотра. В самом ее углу за письменным столом сидел грузный широкоплечий таможенник, неторопливо куривший сигарету. Перед ним высокими стопками высились папки с бумагами. Чуть поодаль стоял включенный вентилятор, разгонявший по комнате клубы табачного дыма. За спиной таможенника чуть слышно тикали кварцевые электронные настенные часы. Тут же присутствовали и двое мужчин в штатском. Как смутно понимала Катя, понятия.

— Вы мне объясните, что происходит?

— Не волнуйтесь, если для этого, конечно, нет повода. Это просто проверка, — спокойно произнес толстяк, но тут же жестко добавил: — Если вы согласны, то покажите содержимое вашей сумочки.

— Но у меня там, кроме косметики и личных документов, ничего нет. К тому же я спешу на посадку, — с дрожью в голосе бросила Орлова.

— Я знаю, на какой рейс вы собрались. Не нервничайте. Мы ее просто осмотрим. Если там действительно ничего противозаконного нет — мы вас отпустим, и вы благополучно подниметесь на борт.

— А если я откажусь?

— Вам все равно придется пройти таможенный досмотр при посадке, — пожал плечами таможенник.

Поняв, что препираться с таможенником бессмысленно, Катя послушно отдала ему сумочку. Да и чего ей было бояться, когда она наверняка знала, что везет с собой обычную косметику и пару недорогих побрякушек.

«Пускай себе смотрит на здоровье, лишь бы на самолет не опоздать», — размышляла Орлова, рассматривая, как таможенник перебирает ее личные вещи.

— Это не есть хорошо, — вдруг покачал головой толстяк и вынул из сумочки пакетик с белым порошком, — с виду приличная девушка, а с собой вроде наркотик везете.

— Что вы говорите!

Вместо ответа ей продемонстрировали пакетик с белым порошком.

Орлова вздрогнула. Испуг пробежался дрожью и легким холодком по ее спине. Белая комната закружилась перед глазами, превращаясь в снежную пелену. Стоявший у двери таможенник подхватил теряющую сознание девушку и усадил на стул. Пара глотков воды, и Катя потихоньку начала приходить в себя.

— Это... это... не мое... — лепетала Орлова, хотя уже понимала, что доказать это будет очень и очень непросто.

— Но ведь сумочка ваша.

— Я не знаю, как... туда попало...

Таможенник ухмыльнулся и погладил себя по пузу.

— Кто же тогда знает?

— Я первый раз вижу этот порошок.

— Вы не оригинальны. Все наркоманы и наркокурьеры так говорят, — отчеканил дежурную фразу толстяк и небрежно бросил на стол пачку сигарет. — Значит, так. С рейса мы вас снимаем. Порошок забираем на экспертизу. В скором времени вас навестит следователь. А пока можете закурить и собраться с мыслями.

— Я не курю.

— Уж лучше бы курили, чем наркотиками баловались. — С этими словами толстяк громко хлопнул дверью.

Вслед за таможенником комнату личного досмотра покинул и его напарник, который тут же закрыл дверь на замок. Обессиленная и подавленная Катя опустила голову на колени и чуть слышно заплакала. Уходили минуты, слезы уже лились ручьем. За окном тем временем раздался надрывной гул турбин, завибрировала оконная рама и стекло — на взлетно-посадочную полосу выруливал самолет, на борт которого Орловой так и не удалось подняться.

Глава 2

Когда человек, привыкший к вольной жизни, оказывается в заточении, то ему первое время кажется, что время остановилось. Такое же чувство испытывала и Катя Орлова. Девушка даже боялась поднять голову, чтобы взглянуть на циферблат часов, зная, что вновь увидит сдвинувшуюся на пять минут стрелку, в то время как по ощущениям проходило не меньше часа. К тому же в голову постоянно лезли неприятные, даже подчас ужасные мысли, сопровождающиеся легкими галлюцинациями. То и дело перед глазами мелькал пакетик с белым порошком, появлялось как бы в тумане ухмыляющееся лицо таможенника. До истерики доводил объектив камеры наблюдения, поблескивающий в углу под потолком.

Однако, несмотря на депрессию и стресс, Кате все же удалось взять себя в руки и собраться с мыслями. Встав со стула, она некоторое время походила по комнате, перебрав в голове всех своих возможных врагов, которые могли устроить ей такую подставу. Но, как она ни старалась, таковых не отыскалось. Конечно, как и у любого человека на этом белом свете, у Орловой имелись мелкие недоброжелатели, но, чтобы пустить в ход пакетик с наркотиком, у них явно не хватило бы духу, да и такой возможности у них не было.

«Тогда кто? Кто это мог сделать? Сумочку я собирала дома... Потом такси... Аэропорт... Кафе... — Девушка вдруг вздрогнула, по спине пробежал не-

приятный леденящий холодок. — Кафе... точно, это тот самый незнакомец с военной выправкой, который подсел за мой столик. Он нарочно опрокинул на пол сумочку, чтобы подбросить мне этот чертов пакетик. Другого варианта и быть не может. Надо срочно сообщить об этом следователю».

Где-то минут через двадцать после этого «открытия» дверь отворилась. Порог переступил лысоватый мужчина с небольшой горбинкой на носу и шрамом на щеке. Усталый взгляд, потертая кожаная куртка и черная папка в руках как бы говорили за своего хозяина, что он следователь.

— Я ни в чем не виновата. Наркотики мне подбросил мужчина в кафе. Это на втором этаже аэропорта. «Штурман», кажется, называется, — тут же запричитала Катя, даже не дождавшись, что ей представятся.

— Секундочку, Екатерина Дмитриевна! Для начала давайте познакомимся, — сняв кожаную куртку и аккуратно повесив ее на спинку стула, произнес Воробьев, — меня зовут Владимир, и я здесь, чтобы допросить вас.

— Допрашивать нужно не меня, а мужчину, который подбросил мне наркотик. Вы должны немедленно его задержать.

— Не волнуйтесь. — Сказав это, Воробьев широко улыбнулся — да так, что шрам на его щеке растянулся и покраснел аж до самого подбородка и края глаза.

Рука следователя нырнула в папку. На столешницу легла распечатанная на принтере фотография.

— Почему вы бездействуете? Ведь он может уйти! Он говорил, что летит во Франкфурт. Когда этот рейс? Он уже улетел? Хотя нет, он мог и соврать... — не обращая никакого внимания на фото, сказала Катя.

— А вы взгляните на фотографию и сразу все поймете. Сообразите, что спешить не надо.

Владимир Воробьев откинулся на спинку стула и, забросив ногу на ногу, выжидающе посмотрел на девушку. Как он и ожидал, первой реакцией Кати было смятение. Потом смятение переросло в испуг. Чуть позже побледневшее лицо Орловой вытянулось в овал.

— Кажется, вы к нему летели? — скромно напомнил Воробьев, не отрывая взгляда от девичьего лица.

— Откуда она у вас? — растерянно спросила Катя, глядя на фото жениха. — Вы в самом деле следователь прокуратуры?

— Я знаю абсолютно все: и то, что Михаил служит в Легионе, и то, что вы собрались пожениться... — Владимир криво усмехнулся. — Однако все в этом мире идет не так, как нам хотелось бы. Иногда возникают такие ситуации, которые требуют от нас выдержки, терпения и самопожертвования.

Орлова непонимающе смотрела на Воробьева. Для девушки вся эта история с подброшенными наркотиками и странноватым следователем, у ко-

того неизвестно откуда взялась фотография Михаила Самсонова, казалась настолько абсурдной и нереальной, что вполне могла бы сойти за кошмарный сон. Но это была реальность.

— Вы оказались в тяжелом положении — за перевозку наркотиков через границу по российскому законодательству вам светит внушительный срок. Так что о близком замужестве можете пока забыть. Ближайшее время вам придется провести за решеткой в компании матерых уголовниц.

— Но я же ни в чем не виновата. Я же говорю, что этот пакетик с белым порошком мне подбросили, — твердила Орлова.

Владимир Воробьев сделал добродушное лицо, губы расплылись в широкой улыбке.

— Все так говорят, а поди отличи преступника от жертвы. Мы можем вам помочь. Но за мою помощь вы должны кое-что для нас сделать.

Катя утерла слезы, недоверчиво посмотрела на следователя.

— Что именно? И кто это — мы?

— Будем друг перед другом честны, — произнес Воробьев. — В первую очередь я хочу перед вами извиниться за то, что произошло. Лично я не одобряю таких методов, но мое начальство давно требовало зацепить вас. Я был против подставы с наркотиками, делал все, что мог, стараясь оградить вас от подобного испытания. Но меня самого поставили перед фактом — подбросили наркотик без моего ведома, а потом срочно вызвали в аэропорт. И дру-

того выхода, как выполнить то, что требуется, нет теперь ни у меня, ни у вас. Придется сотрудничать.

Орлову будто парализовало. Девушка иступленно смотрела на Владимира, все еще переваривая им сказанное.

— Так... это вы подстроили? — наконец вымолвила она. — Зачем?

— Я же объяснил. Лично я против таких методов.

Конечно же, Воробьев ни в коем случае не сказал бы девушке правду, что это он виновник случившегося, что это он придумал и организовал всю эту подставу с наркотиками. По разработанному им плану, он должен был предстать перед Орловой простым исполнителем, который вынужденно выполняет команды сверху. Но при этом Владимир должен был сыграть и роль хорошего следователя, которому не чуждо все человеческое. Только таким образом он мог завоевать доверие Кати. Его связи благодаря прошлой службе в разведке, деньги хозяина позволили «договориться» с таможенниками и предстать перед девушкой в образе следователя. А ей не пришло в голову сомневаться.

— Не я, — театрально вздохнул Воробьев, — все затеяло мое начальство. Но я не жестокий человек и прекрасно понимаю то нелегкое положение, в котором вы оказались. Выпутываться придется вместе.

Орлова подняла заплаканные глаза. Владимир скрестил пальцы рук, скорчил сочувствующее лицо.

— Все дело в том, что вы попали в эту ситуацию из-за своего жениха Михаила. Он же говорил вам о

каких-то неприятностях, заставивших его покинуть Россию. Ничто не проходит бесследно. Моему начальству понадобилось его умение. Он должен выполнить секретное задание государственной важности, после чего от него отстанут.

— На кого вы работаете? — недоверчиво посмотрев на Воробьева, спросила Катя.

— Эта организация настолько секретна, что о ее существовании вам лучше не знать. Живее будете.

— Что-то вроде «Людей в черном»?

Владимир невольно засмеялся.

— Гораздо серьезнее, — улыбнулся он. — Так вот, вы будете играть в этом задании роль почетной заложницы, чтобы ваш жених не отказался от сотрудничества с моей организацией. Как только он выполнит возложенную на него миссию, вы будете свободны.

— А если я напишу заявление и докажу, что наркотик мне подбросили?

— Предупреждаю сразу. Проигрышный вариант, — покачал головой Воробьев, — я бы вам не советовал. Все, кто только будет участвовать в расследовании вашего дела, уже давно предупреждены, и упечь вас за решетку моей организации не составит большого труда. Вы не представляете, какие влиятельные люди за всем этим стоят. А о «неподкупности» российского правосудия не знает только ленивый. Вы же не дура?

Орлова понуро опустила голову, закрыла лицо руками.

— Если вы согласитесь сотрудничать, я вам помогу, — продолжал морально добивать Катю Владимир, — к тому же, если ваш жених выполнит все как надо, ему хорошо заплатят... Ну что, вы согласны?

Оказаться в тюремной камере Кате хотелось меньше всего на свете. А потому с ответом она не медлила.

— Хорошо. Что я должна для вас сделать? Это не повредит Михаилу?

Воробьев довольно причмокнул:

— Для начала я вас сфотографирую, чтобы ваш жених поверил моим словам.

Вспышка цифрового фотоаппарата на мгновение ослепила девушку. Владимир посмотрел на небольшой экранчик — фото получилось что надо: бледное лицо, испуганный взгляд, заплаканные глаза, казенный интерьер. Увидев такой снимок, Михаил Самсонов должен был непременно заволноваться и сделать все возможное, чтобы вытащить свою невесту из беды.

— А теперь давайте напишем письмо вашему жениху. — Затрещала «молния», Воробьев достал из папки чистый лист бумаги и авторучку.

Как только заранее подготовленное Владимиром послание было перенесено девушкой на бумагу, начальник экономической разведки аккуратно сложил лист и спрятал в нагрудный карман куртки.

— Что теперь со мной будет?

— Учитывая количество белого порошка, к вам применят меру пресечения — взятие под стражу, —

выйдя из-за стола, произнес Воробьев. — Я договорился, чтобы вас поместили в одиночную камеру. Завтра же вас освободят под залог и перевезут в загородный дом, где вы будете находиться до самого окончания секретной миссии.

— А если мой жених не справится с заданием?

Но Владимир промолчал. Хлопнув дверью, он вышел в коридор, оставив девушку наедине со своими мыслями и вопросом, на который она так и не получила ответа.

* * *

Французский Иностраннный легион всегда считался одним из лучших военных формирований в мире. Служить в нем посчитали бы за честь многие военные со всего мира. Однако, чтобы попасть в ряды легионеров, неофициально прозванных «белыми кепи», следовало пройти очень сложный конкурс, где проходной балл был почище, чем в МГИМО. К тому же комиссией, куда входили лучшие из лучших офицеров, рассматривались только кандидатуры холостых военных, возраст которых должен был быть не моложе восемнадцати, но и не старше сорока — личные дела всех остальных даже не рассматривались.

На центральном пункте во французской Обани первоначальный отбор проходил лишь один человек из десяти прибывших. В дальнейшем из пятидесяти отобранных таким образом новобранцев оставалось только трое, некоторых заворачивали на